

Три дня рвали пушки и подкопы бреши в истмийских окопах; 10 декабря начался приступ. После отчаянного боя пал 14 декабря последний оплот свободы Греции к ногам янычар и сербов¹. Напрасно пытался Константин, видя в отчаянии бегство своих войск, вновь собрать их; тогда ввиду того, что Коринф не был достаточно готов к сопротивлению, он бросился в глубь Лаконии. Триста греков, бежавших на один холм у Кенхреи, были изрублены по приказанию султана. Шестьсот пленных он выкупил у янычар и принес их в жертву памяти своего отца. В погоню за бежавшим деспотом он отправил отряд под предводительством Турахана, а сам двинулся на запад в Ахайю.

Он взял и опустошил Коринф, сжег покинутый жителями Сикион (Базилику) и Востиду и остановился перед Патрасом. Граждане этого торгового города бежали в Лепанто и другие венецианские города этолийского побережья; осталось лишь 4000 мужчин и женщин; все они были обращены турками в рабство². Но крепость защищалась с таким мужеством, что султан решил снять осаду. Так как деспоты пелопоннесские, не надеясь на успех дальнейшего сопротивления, вели с ним переговоры о мире, то он возвратился в Фивы, увозя за собой достояние разграбленных городов и 6000 военнопленных. Покинутые бежавшими жителями и опустошенные Фивы впервые имели случай увидеть восточную пышность султанского двора, где среди упоенных победой пашей и сановников Порты можно было заметить также жалкую фигуру герцога Афинского, покорного вассала султана.

В Фивы, которые отныне должны были считаться достоянием турецкой монархии, прибыли послы Константина и Феодора; они купили сомнительную пощаду своей власти в Пелопоннесе обязательством платить с своих земель в качестве турецких вассалов поголовную дань. С этого момента Пелопоннес, бывший, по мнению историка Халкокондилы, свободной страной, стал вотчиной султана. Но тамошние династы давно уже платили ему дань.

¹ Chalkokond, VII, 345. Греки обвиняли албанцев в измене. Ducas, 32.

² Chalkokond, VII, 349.